

Секс измъ.

соч. Алексея Сухарова

2022

18+

Алексей Сухаров

Секс измъ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67411800

SelfPub; 2022

Аннотация

Шестнадцатилетняя Лизавета, дворянская дочь, более не желает заниматься науками, языками, рисованием или музыкой – теперь она думает и мечтает лишь об одном. Дабы спасти девицу от подросткового бунта, бессмысленного и беспощадного, ее родители, Ерофей Михалыч и Марфа Петровна, решаются пойти на самые крайние меры.

Алексей Сухаров

Секс измъ

– Маменька! – Лизавета встала посреди гостиной и, с обидой и вызовом, выразительно топнула ножкой. – Не могу я так больше, ***** хочу!

Маменька, то бишь, конечно, Марфа Петровна, представительница старого, вполне богатого и уважаемого дворянского рода, как бы помягче сказать, опешила. Что за тон! Что за выражения! Марфа Петровна, спустя мгновение придя в себя, уж было бросилась закрыть дочери рот, небось кто услышит, но Лизавета тут же отпрянула и выставила вперед пальчик, будто шпагой защищаясь на дуэли:

– Ежели ***** вы мне не позволите, маменька, то я ничего, никогда больше делать не буду, а то и в речку с горя брошусь, вот как! – Лизавета, раскрасневшись, схватила полы юбки и мигом выскочила из гостиной.

Стыд-то какой!

–

Ерофей Михалыч, отложив в сторону заляпанное перо и бумаги, почесал густую бороду, глубоко вздохнул, глянул куда-то в стену и тихо спросил:

– Так и сказала?

– Точно так и сказала, душа моя Ерофей Михалыч, так и сказала. Дескать, – здесь Марфе Петровне пришлось приглушить голос, – ***** хочет, аж мочи нет, токмо об том и думает. *****, говорит, подавай ей, а то ведь и убиться готова!

– И ведь не впервой такое от Лизаветы слышно-то. Я же наказывал занять ее чем-нибудь, ну что ж, не получилось?

– Ни в какую, душа моя Ерофей Михалыч. Гувернантки криком от нее кричат, даже Лидия Ивановна, храни ее Господь. Рисовать не желает, а то и красками прислугу с дуру пачкает, французским заниматься не просится и даже за пианино – любимое ее пианино! – совсем не усадишь! *****, токмо ***** в головушке светлой ее!

Ерофей Михалыч крепко задумался, а Марфа Петровна терпеливо сидела напротив, ничем не смея нарушить опустившуюся на кабинет тишину. Наконец, Ерофей Михалыч признался, что созрело у него на уме:

– Может, – начал он медленно, – придется бы и навстречу Лизоньке нашей пойти. Оно, конечно, неправильно вовсе, но как тут иначе? Девице летом минувшим шестнадцать исполнилось, может, природой это все дано, натурально, как говорится. А ежели мы ей запретим – то тут и до беды недалеко.

– Быть беде, быть! – загорелась Марфа Петровна. – Вы, быть может, душа моя Ерофей Михалыч, и знать не знаете, да вам я говорить и не хотела, чтоб не гневить, так ведь мужики наши, крепостные, уж судачат всюю, дескать, дочка

хозяйская все ***** требует, как одержимая, только про ***** все ее мысли. Утопиться она не утопится, но в-
датель-то нам не дано, черт дернет ее с кем из этих мужиков...
Бедная, бедная Лиза!

Ерофей Михалыч нахмурил брови пуще обыкновенного:

– К Фомке Хлысту холопа, что про дочь мою рот свой по-
ганый разевать надумает, мигом же отправлять По пять пле-
тей каждому сыну собачьему, кто в таких суждениях заме-
чен останется. И вам я дело сие поручаю, Марфа Петровна.

– Сделано будет, душа моя Ерофей Михалыч.

– Что до Лизаветы... Есть недалече отсюда поместье,
Крюковых. Сын их, Николай, ранее в Государевых архивах
служивший, сейчас дело отца перенимает. Молод да неглуп.
Написать, что ли, им? Лучше уж так, чем с холопами-то.

– Напиши, душа моя Ерофей Михалыч, напиши! Чай, уго-
моним дочурочку нашу!

–

Ерофей Михалыч, пригладив бороду, громко крикнул
вглубь поместья:

– Лизавета! Зайди!

Лизавета, насупившись, смотрела на грозного отца свое-
го, ожидая исхода.

– Поговаривают, что ты, Лиза, последнее время ведешь
себя плохо. Буянишь, от наук отказываешься, Лидию Ива-

новну обижаешь, храни ее Господь. И все бы ничего, да вот, дескать, носишься ты по поместью и, – тут Ерофей Михалыч, как и его супруга ранее, приглушил голос, – ***** просишь! Разве ж это дело для юной дворянки? Отвечай!

– Да! – держала ответ Лизавета. – Прошу! ***** хочу! Вот ***** бы, а больше ничего мне и не надобно! А ежели вы мне, папенька, запрещать будете, я ***** сама пойду – или вообще, руки на себя наложу!

Смотрел отец на бойкую да неуступчивую дочурку свою, смотрел – да и заулыбался.

– Слышал я и про это, Лиза, а нам такого с матерью твоею допустить никак нельзя. Посему, вот, – Ерофей Михалыч протянул дочери письмо, – ответ. Крюков Николай Палыч, прибудет завтра в два часа пополудни, так сказать, на *rendez-vous*. Обещаешь ли ты, Лиза, французский, в таком случае, не бросать? Обещаешь?

Лизавета дочитала письмо и все нутро ее переполнилось счастьем и загорелось в предвкушении.

– *Oui! Oui, mon chéri!* – залепетала она, бросилась в объятия папеньки и принялась целовать его руки.

– Прелесть ты моя, ну, ну, полно. Прибереги ж челомканья да для других оказий.

–

Лошади остановились прямо у ворот. Из кареты вышел

Николай Палыч с густо напوماженными волосами и в свежешитом сером сюртуке. Он мельком глянул, как, в назидание прочим, Фомка Хлыст пускает кровь болтливому мужичку, и направился к поместью. Здесь, на пороге, его уже ожидали Ерофей Михалыч и Марфа Петровна. После недолгих приветствий все трое вошли в дом.

Ерофей Михалыч не стал мучать гостя хождением вокруг да около:

– Дело, как вы понимаете, Николай Палыч, тут сурьезное. Буду с вами откровенен, Лизавета у нас – девица удалая. Вот как мужчина мужчине, – Ерофей Михалыч приглушил голос, – *****, говорит, хочет, ***** ей подавай и все тут. Ну-с, вот мы вас и позвали. Как вы считаете, справитесь? Готовы ли, Николай Палыч?

Николай Палыч немного занервничал, но тут же собрался, как и подобает дворянину.

– Постараюсь не разочаровать, Ерофей Михалыч. ***** так *****.

– Ну-с, вот и хорошо.

Ерофей Михалыч и Марфа Петровна проводили гостя до дверей гостиной:

– Ежели что понадобится, Емельян, крепостной, будет вам прислуживать, – шепнула Крюкову Марфа Петровна. Тот жестом дал понять, что услышал ее.

– Ну, с Богом!

Николай Палыч приоткрыл дверь гостиной и вошел

внутри. Маменька и папенька прислонили головы к стене, чтоб прислушаться.

Но прислушиваться не пришлось, потому что слышало все поместье. Визги, присвисты и смех довольства были настолько громки и искренни, что Ерофей Михалыч невольно улыбался, а Марфа Петровна утирала слезы. Еще бы: Лизавета, девочка, единственная дочурка, впервые за минувший год – счастлива.

Последующие шесть часов из гостиной то и дело раздавалось:

– Емельян! Еще чаю!

– Емельян! Подушки!

– *Oui! Oui! Oui!* – доносилось чаще всего.

В какой-то момент стало уж совсем неприлично. Лизавета позвала:

– Лидия Ивановна! А давайте нам музыку!

Смущенная гувернантка, теребя в руках пенсне, прошла в гостиную и уселась за пианино. Играла долго и самозабвенно. В момент наивысшего напряжения Лизавета закричала так, что поместье, как избушка в Теремке, чуть не развалилось:

– Храни вас Господь!

И все затихло.

Из гостиной вышел Николай Палыч, поправляя на ходу сюртук. Лицо его было красным, а помада текла по лбу и щекам вместе с потом.

– Приедете к нам еще? – поинтересовался Ерофей Михалыч.

– Всенепременно, – ответил гость.

Лошади застучали копытами.

Лизавета проскользнула мимо родителей, улыбающаяся и довольная:

– Емельян! Помыться бы!

Ерофей Михалыч и Марфа Петровна смотрели друг на друга и тоже улыбались. Сегодня они провернули очень неплохое дельце, а теперь им в головы одновременно закрадывалась одна такая смелая и замечательная мысль.

–

Примечания:

- 1) *rendez-vous* – рандеву, т.е. “встреча”, “свидание”
- 2) *oui* – “да”
- 3) *mon chéri* – “мой дорогой”
- 4) ***** – “замуж”